

И БЫЛ юбилей: чествовали Татьяну Петровну Лукашкину — одну из первых представительниц интеллигенции Камчатки, заслуженного работника культуры РСФСР. Дня через три после торжества позвонил Татьяна Петровна — договориться о встрече. Телефон молчал. Оказалось, что хозяйка улетела в Якутск.

Встретились позже. Спрашиваю: «Что позвало вас в Якутию? Вы вроде бы собирались в Ачайваам?».

Смеется Лукашкина: «Не могла подвести внука — второклассника Сережу. Из Якутска ко мне на юбилей его отпустили с одним условием: привезти бабушку с собой, чтобы высту-

ской к В. И. Ленину. Передали записку. Вот она: «Татьяна Петровна! Мы должны были записать вашу речь, но вы всех заворожили, и мы только слушали, разинув рты. Большая к вам просьба: вы напишите, пожалуйста, о своей жизни. Надо оформить альбом. С глубоким уважением Л. З. Корхинен».

— Внук был доволен своей бабушкой? Тем более, что после выступления в школе вы, наверное, проводили все время с ним.

— Не совсем. Еще на один вечер меня «украли» студенты Якутского педагогического училища. Зная о том, что я работала в детском садике и

что их хозяйка слепая, и когда она подходила к ним, отворачивали головы, чтобы бабушка не стукнулась о рога. Ходила без посоха. Цедила молоко, делала сметану, масло сбивала. И никогда внучат своих не обижала, потому они и называли ее только мамой.

«Нет, — сказала я Илюше, — в угол ставить я тебя не буду. А ты помогать мне будешь?». Он отвечает: «Буду!». «Вот сегодня, например, у нас рисование, так ты все карандаши в стаканчики расставляй, бумагу разложи, водичку для красок приготовь, а потом все уберешь. На завтраке тоже будешь старшим, при сервировке столов...». И некогда ему

ла: мать Илюши пришла ко мне. Я ей сказала: «Завтра принесите материи, будем шить вашему сынишке новогодний костюм». Ткань принесла. Я тут же скроила, наметала, примерила. «Теперь сшейте». Она сшила. Позвала я Илюшу: «Покажи маме носки». Все в дырках, не стиранные месяца два. Штаны — заплатка на заплатке! Отпустила мальчика к ребятам, а мать спросила: «Неужели вашей зарплаты рыбообрабочки не хватает сыну на брюки? На еду? На игрушки? Неужели вам приятно, когда товарищи Илюши тычут в него пальцем: он грязный потому, что у него мать — пьяница?»

На следующий день мальчик пришел в детский сад во всем новом. Но я все равно научила Илюшу стирать носочки, мыть посуду, по полочкам все расставлять. И вот он совсем другим стал. А когда уезжал на материк, пришел ко мне домой попрощаться: плакал и обнимал меня как, — Татьяна Петровна запнулась, — как родную мать.

— А какой след оставила в вашем сердце встреча с Надеждой Константиновной Крупской?

— Огромный! Было это в 1936 году, когда меня в составе студенческой делегации Ленинградского института народов Севера направили в Москву, на первый фестиваль народов СССР. Там я и попала на прием к заместителю наркома просвещения Надежде Константиновне Крупской. Она сидела рядом, с левой стороны, правой рукой обнимала меня за плечи, мои руки брали в свои, у нее были такие материнские, мягкие, ласковые руки. Спросила о Камчатке, долго смеялась над моими приключениями по дороге в Ленинград, а потом сказала: «Учись, Танюша, хорошо. Старайся узнать как можно больше. Ты привезешь на север не только знания, но и культуру, новую жизнь».

Ленинград стал для камчатской девушки городом комсомольской юности. Все четыре года Таня была членом комитета комсомола института, редактором стенной газеты «Педагог», была агитатором курса, в местном комитете профсоюзной организации вела культмассовый сектор. Студенты встречали папанинцев, беседовали с О. Ю. Шмидтом, а однажды Татьяна Слободчикова выступила перед зрителями в кинотеатре «Титан» с рассказом о Камчатке...

— В вашей жизни, Татьяна Петровна, было много встреч с разными людьми. Какие среди этих людей вам больше всего симпатичны?

— Простые, скромные, с открытой душой.

— А кого вы не любите?

— Лицемеров и подхалимов страшно не люблю!

— Что вы могли бы посоветовать молодым?

— Не сидеть сиднем дома, участвовать в самодеятельности...

— Но если человек не умеет ни петь, ни плясать, ни стихи читать?

— Не может такого быть, — горячо воскликнула моя собеседница. — Таланты есть в каждом, нужно только уметь их видеть и развивать обязательно.

— Есть ли у вас мечта, Татьяна Петровна? Самая-самая?

— Самая-самая? — Взгляд серьезен, голос тих. — Написать историю про Степана Григорьевича Лукашкина, моего мужа, русского человека, который очень много сделал добрых дел для нашего народа и для нашего края, для семьи.

Помолчала.

— На собственном юбилее о чем вы думали? С каким чувством оглядывались на прожитые годы?

— Откровенно? — и опять на ее лице сверкает белозубая улыбка. — Я удивлялась: неужели все прожитые годы — мои? Неужели через все это я прошла?..

А. КУЧЕР,

ваш соб. корр.
Корякский автономный округ.

С УЛЫБКОЙ ЧЕРЕЗ ГОДЫ

◆
Портрет
заслуженного
работника
культуры РСФСР
Т. П. Лукашкиной

пила на уроке «Честь и слава — по труду!», рассказала о жизни коренных народностей Камчатки, о себе.

Якутск встретил морозом за 50, туманом, а школа — теплом гостеприимства. Сережиня учительница Л. З. Корхинен отлично построила свой урок: сначала восьмилетние ребята рассказывали о республиках нашей страны, потом о своей Якутии, о дружбе.

— Вас слушали только ученики?

— В Ленинском уголке собрались школьники разных классов, учителя. Рассказала об учебе в Ленинграде, в институте народов Севера, о сегодняшней своей работе, о том, каким красивым и уютным стало наше село Тилички. А в конце стала рассказывать сказки: чукотские, ительменские, корякские. И что особенно приятно, говорила я часа два — никто не шелохнулся! Не могу даже точно определить, какой это все-таки был урок: географии, истории, этнографии или искусства.

Скорее всего — урок Большой жизни, которая началась в маленьком селе Сопочном Тигильского района. Домов в селе десятка два. Односельчане — народ веселый, трудолюбивый. Вместе охотились, вместе рыбу ловили, вместе делили добычу, но все время жили в нужде и страхе, в болезнях.

Перемена пришла в 1924 г., когда в Сопочное приехал первый учитель, старый революционер Дубков, вынесший не одну царскую ссылку. Он собрал вокруг себя всех сельчан и рассказал о Ленине, о первых декретах Советской власти, ходил по домам и записывал детей в школу. На смену Дубкову приехал новый русский учитель П. Н. Трапизин, молодой парень. «Будем создавать новый быт», — сказал он односельчанам.

— После моего выступления, — продолжает рассказывать Татьяна Петровна, — мне подарили книгу писем Н. К. Круп-

ской к В. И. Ленину. Передали записку. Вот она: «Татьяна Петровна! Мы должны были записать вашу речь, но вы всех заворожили, и мы только слушали, разинув рты. Большая к вам просьба: вы напишите, пожалуйста, о своей жизни. Надо оформить альбом. С глубоким уважением Л. З. Корхинен».

— Расскажите.

— Я уже тогда была на пенсии, в конце 60-х годов, но работала воспитателем в детском садике поселка Корфа. Этот Илюша все группы прошел, и везде он стоял в углу. А было ему всего шесть лет! Тогда заведующая детсадом и говорит: «Надо его из подготовительной группы отправить в старшую, к Лукашкиной. Пусть попробует перевоспитать Журавлева». И вот Илюша пришел ко мне. Прямо зверенышем смотрел. Я не удивилась: с ним ведь никто не хотел заниматься, разговаривать, только гнали отовсюду. И вот он пришел ко мне и... сразу встал в угол. Я спросила: «Почему ты встал в угол?» А он: «А я везде стою в углу...». Я подозвала его к себе, посадила рядом, обняла его. Илюша и сказал: «Меня никто не любит. Все меня бьют — дома, и ребята в детском саду...». Я в ответ говорю ему: «Здесь тебя никто не будет бить. Понял? Я тебя никогда в угол не поставлю».

Отец Тани Лукашкиной, Петр Васильевич Слободчиков, был очень веселым, трудолюбивым человеком, охотился, рыбачил. Вместе с женой, тоже неграмотной ительменкой, построил дом, смастерил деревянные кровати, столы, шкафы, скамейки. Петр Васильевич был спокойным, уравновешенным, не кричал на детей. В 30-м году случилось несчастье: погиб отец, умерла мать. Пятеро сирот остались на руках слепой бабушки, Марии Васильевны, тети отца.

Все в доме Мария Васильевна делала на ощупь. Нитку в иголку продевала языком, шила торбаса, стирала, варила обед. Без чужой помощи доила коров, а скотный двор, кстати, был на расстоянии трехсот метров от дома. Коровы, казалось, чувствовали,

стало баловаться. Я нашла ему дело. Он целый день был занят. Раньше, когда все дети спать ложились, Илюша обычно тоже в углу стоял, теперь лежал в кровати. Я сяду возле него и говорю ему и всем: «Глазки закрыли, ручку под щечку... Так, хорошо... Глазки не открывайте, а то сказки не увидите... А теперь — видите горю?» — «Видим» — «А лес зеленый видите?» — «Видим...» — «А цветочки разные видите? А зайчика под кустом видите?». Смотрю, они уже сопят своими носиками...

Когда все стали готовиться к встрече Нового года, пошла я к Илюше домой. Мать и «отец» — не знаю, какой по счету — валялись пьяные. Кругом грязь, пустые бутылки, раскиданная одежда, собаки скулят... Тут же написала записку матери: «Сегодня придите в детский сад. Трезвой!». Последнее слово дважды подчеркнула красным карандашом. Злая я тогда была жутко.

— И Илюша был единственным ребенком в этой так называемой семье?

— То-то и оно, что единственный!

На руках слепой бабушки было четверо маленьких Слободчиковых. Младшей, Людошке, — четыре месяца, Косте — четыре года, Алеше — девять лет, Татьяне — двенадцать, старшая сестра, Уляна, училась в Хабаровском педагогическом институте. После похорон матери Костю разбил паралич, отнялась речь, пропал слух. А врача в селе нет! И врача заменила бабушка. Таня с Алешей ходили в лес собирать коренья, из которых Мария Васильевна делала настой, поила им Костю, растирала в бане и... вылечила! Через одиннадцать месяцев мальчик начал ходить! «А как он любил бабушку, — вспоминает моя собеседница. — Когда она садилась ночью шить, Костя затолпило зажигал ей свечу, чтобы лучше было видно: он по-детски не верил в ее слепоту.

— Записка моя подействова-